

А. С. ТВЕРИТИНОВА

**ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРЦИИ
В КЕМАЛИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В последние десятилетия пропаганда реакционной идеологии расизма и пантюркизма в Турции сопровождается усиленными «научными» изысканиями в области турецкой средневековой истории. При этом прежние взгляды на турецкое средневековье, утвердившиеся в европейской буржуазной исторической литературе и принимавшиеся турецкими до-кемалистскими историками, подвергаются коренному пересмотру. Кемалистских буржуазно-националистических историков и их заказчиков теперь уже не может удовлетворить простое изложение истории султанов и их походов, которым раньше ограничивалась буржуазная историография. «Для современной истории, — говорят они, — не имеют значения падишахи и их династии. Великие турецкие походы, завоевания и турецкая цивилизация имеют еще социальные и экономические причины»¹. Таким образом, кемалистские историки претендуют, как может показаться, на более глубокое освещение средневековой истории Турции. На самом деле, обращение к социальным и экономическим проблемам понадобилось кемалистским историкам только для того, чтобы преподнести их в извращенном виде и попытаться в соответствии с задачами буржуазно-националистической пропаганды доказать, во-первых, что турки в момент прихода в Малую Азию якобы стояли на более высоком уровне социально-экономического развития, чем народы Византии и стран Балканского полуострова, и что вследствие этого турки принесли «более совершенные формы государственной организации», которыми «облагодетельствовали» покоренные ими народы; во-вторых, что турки-завоеватели, принеся с собой «более высокие формы» государственной жизни, явились вследствие этого «освободителями» угнетенных феодалами народов Византии и Балканского полуострова; в-третьих, что турецкое государство, в соответствии с «национальными» традициями турок, якобы не знало классовых противоречий и классовой борьбы. Стоя над обществом, оно являлось будто бы «беспристрастным организатором идеальной гармонии» социальных и национальных интересов всех подданных; наконец, в-четвертых, что причиной разложения и упадка Османской империи явился отход правящей верхушки государства от «традиционных национальных» принципов управления государством. Этот отход от указанных принципов объясняется тем, что в правящие круги Османской империи якобы проникли элементы из иногородной, не-турецкой среды, которые безразлично относились к судьбе турецкого народа.

¹ Ce ş it Saffet. Türklük ve türkçülük izleri. Ankara, 1930, 1-nci kitap, s. 10.

На основе этой заведомо лживой концепции делаются необходимые кемалистам расистские и просто откровенно реакционные выводы. Только возврат к прежним «национальным» принципам государственной жизни, заявляют они, обеспечит турецкому народу благополучие и процветание в будущем. Возврат к средневековым формам общественно-политической жизни, но на более высоком «европейском» культурном уровне — вот тот идеал, стремиться к которому рекомендуют турецкому народу буржуазные националисты.

Однако стоит лишь внимательно проанализировать любое из перечисленных выше утверждений турецких социологов-националистов, чтобы ясно убедиться в том, что мы имеем дело с самой беззастенчивой фальсификацией истории; эта фальсификация предпринимается учеными лакеями турецкой буржуазии, в целях социальной демагогии и затемнения классового сознания трудящихся, в целях оправдания реакционного националистического курса турецких буржуазных правителей. Обратимся к историческим фактам и посмотрим, насколько согласуются с ними утверждения кемалистских историков.

Утверждение первое, как мы видели, состоит в том, что турки в момент завоевания ими Малой Азии стояли якобы на более высоком уровне социально-экономического развития и обладали более совершенными формами общественно-политической жизни, которые они передали покоренным народам. Этот тезис — в качестве основного — мы можем встретить в работе любого современного турецкого историка, занимающегося изучением средневековой истории Турции.

Если западноевропейские буржуазные ориенталисты — историки Турции (Гиббон, Гизе, Маркварт, Дени, Диль, Крамерс, Йорга и др.) объясняли внутреннее развитие Турецкого государства, главным образом, различными внешними влияниями и заимствованиями тех или иных черт внутригосударственной организации турок от покоренных или соседних народов (к этому, собственно говоря, и сводилась внутренняя история средневековой Турции в изображении названных ученых), то современные турецкие историки, наоборот, отрицают всякую возможность влияния покоренных турками народов на общественный строй и культуру победителей. Начало утверждениям подобного рода было положено одним из наиболее ярких националистов — историком Мехмедом Кёпрюлю, который в 1931 г. опубликовал специальную статью на тему: «О влиянии византийских институтов на турецкие институты»¹. В этой работе Кёпрюлю объявил, что все выводы европейских авторов о том, что турки заимствовали многие формы государственного управления от византийцев и народов Юго-Восточной Европы, «полностью противоречат историческому мышлению и опираются на ошибочные представления. Ошибочно, — писал он, — считать Османское государство возникшим из небольшого племени, поселившегося на границе Византии, в западной части Анатолии»².

Взамен этого Кёпрюлю предложил рассматривать формы социально-экономических отношений и военно-политического устройства у турок «генетически», преимущественно от одного «турецкого» государства к другому, начиная от гуннов и кончая османскими турками³. Эту точку зрения Кёпрюлю, с помощью изобретенного им «генетического» метода, ста-

¹ Mehmet Fuat Köprülü zade. *Bizans Müesseselerinin Osmanlı Müesseselerine Te'siri Hakkında bazı mülahazalar. Türk Nukuk ve İktisat tarihi Mecmuası*, 1931, cilt I, p. 165—313.

² M. F. Köprülü, s. 181. Эту же точку зрения он развивал в своей работе «Les origines de l'Empire Ottoman». Paris, 1935.

³ Ibid.

рался обосновать на II историческом конгрессе в Стамбуле (1937 г.) в докладе, посвященном турецким правовым институтам средневековья¹. Суть изобретенной М. Кёпрюлю глубоко антинаучной «теории» состоит в том, что турецкие завоеватели Малой Азии якобы «унаследовали» от своих древних предков некие «специфические» черты, свойственные лишь турецкой расе и выражавшиеся в особой организации придворной жизни, военно-административной системы, судебной-правовых учреждений, а также в организации системы взимания налогов с населения². Агрессивный и реакционный характер этой «теории» несомненен.

Живое утверждение о том, что во время завоевания Византии и стран Балканского полуострова туркам были свойственны более высокие формы общественно-политической жизни, нежели те, которыми обладали покоренные народы, основано на прямой фальсификации исторических фактов. Известно, что Византийская империя и страны Балканского полуострова ко времени завоевания их турками представляли собой государства с вполне развитыми и зрелыми феодальными отношениями. Междоусобные войны и внутренние распри феодальных владетелей, облегчившие осуществление турецкой агрессии, жестокий феодальный гнет на базе крепостничества не являлись для того времени выражением отсталости народов Византии и Балканского полуострова, как это стараются представить кемалистские историки.

Так, выдвинутая Кемалем на пост вице-президента Турецкого исторического общества и ставшая его ближайшим слодвижником в пропаганде буржуазно-националистических, фашистских реакционных «теорий» «профессор» Афет Инан особенно усердствовала, стараясь доказать всестороннее «превосходство» турецких завоевателей над покоренными народами. «Политическим организациям, — писала она, — имевшим административную систему европейского феодализма, они (турки. — А. Т.) принесли новую форму, которая должна была послужить новым образцом ... типа централизованной монархии»³.

Упомянутый выше яркий пантюрист и расист М. Кёпрюлю, который от пропаганды реакционных «теорий» в области официальной «науки» перешел ныне на поприще реакционной политической деятельности в качестве министра иностранных дел в лакействующем перед монополистами США правительстве Мендереса, безапелляционно заявлял: «Тот факт, что средневековые турки дали для Европы нового времени образец абсолютистского режима, говорит об очевидном превосходстве турок, с точки зрения развития у них обычного права и политической культуры»⁴.

Эта официальная точка зрения в различных аспектах пропагандируется во всех работах кемалистских фальсификаторов истории, безосновательно утверждающих, что «турецкая нация всегда и всюду во время своих наступлений была носительницей передовой культуры»⁵.

Выше мы отметили, что военно-политическая слабость Византии, Сербии и Болгарии, с которыми в первую очередь пришлось столкнуться турецким завоевателям, отнюдь не была выражением их социально-экономической и культурной отсталости. Известно, что это были государства

¹ M. F. Köprülü. Ortazaman Türk Hukuk Müesseseleri. İkinci Türk Tarih Kongresi. İstanbul, 1943, p. 383—418.

² Ibid., s. 405.

³ Afet İnan. Osmanlı-Türk Tarihinin karakteristik Hatları. Belleten, c. II, N 5—6, 1938, p. 125.

⁴ M. F. Köprülü. Ortazaman Türk Hukuk Müesseseleri, s. 417.

⁵ Tayib Gökbiğgin. Macaristandaki türk hakimiyeti devrine ait bazı notlar. Türkîyat Mecmuası, c. VII—VIII, cüz I, 1942, s. 210.

с всесторонне развитой экономикой и культурой, о чем свидетельствуют многочисленные памятники письменности, искусства и материальной культуры, давно и широко известные в науке. Однако кемалистские историки, не считаясь с известными фактами, объявляют феодальную раздробленность Византии признаком ее неразвитости и пытаются противопоставить ей государство Сельджукидов Малой Азии в качестве образца «высоко-развитого и централизованного государственного организма», явившегося, по их мнению, базой для образования Осmano-турецкого государства.

Уже само по себе сравнение Византии, находившейся в стадии развитого феодального строя, в недрах которого уже зарождались элементы новых буржуазных отношений, и первого государственного объединения разрозненных огузских племен в Малой Азии — Сельджукского султаната, в котором еще были чрезвычайно сильны патриархальные отношения, — уже само по себе это сравнение двух государственных организмов, стоявших на разных ступенях исторического развития, равно как и стремление, вопреки объективным историческим фактам, представить уровень социально-экономического развития сельджуков более высоким, нежели он был в действительности, делает в этом пункте концепцию кемалистских историков совершенно антинаучной и несостоятельной.

Факты говорят о том, что государственной монолитности у разрозненных сельджукских племен не было и следа. А низкий уровень развития их кочевого скотоводческого хозяйства и крайне отсталая техника земледелия являются красноречивым свидетельством невысокого уровня их экономического и культурного развития.

Если на территории, прилегающей к столице Сельджукского государства, Конии, еще можно обнаружить некоторые элементы государственной централизации, то провинции и окраины даже в ничтожной степени не подверглись процессу объединения.

Исследование академика В. А. Гордлевского «Государство Сельджукидов Малой Азии», базирующееся на изучении разнообразных источников, дает действительную картину состояния Сельджукского государства. «На окраинах, в горах, — читаем мы, — авторитет центральной власти был ничтожен... Вдали от центра, на окраинах государства, огузы жили сплоченно. Там были пустые земли, на которых спокойно паслись их стада; здесь власть начальников племен — «беев» — была сильна... Огузы составляли «иль» — племенной союз... здесь совершали огузы «набеги» (акын) на соседей. Жизнь протекала... спокойно, освобожденная от регламента центральной власти». И далее: «Шла вечная борьба... Здесь рождались и герои-богатыри (алпы)... Но были то алпы или гази, — одинаково помыслы у них направлены были на войны, на грабеж, и, объявляя «газават» — войну против неверных, султан желал, чтобы «людишки» его подкормились»¹.

В Сельджукском государстве господствовало еще старое обычное право огузских кочевых племен — тюрк. В социально-политической жизни этого государства важную роль продолжал играть орган межплеменной организации — «курултай» — совет племенных старейшин, выполнявший функции межплеменного собрания, на котором происходило провозглашение хана².

Конечно, в эти патриархальные формы организации постепенно вливалось новое социальное содержание, так как совет старейшин и избираемый

¹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. Л., 1941, стр. 46—47.

² Там же, стр. 59.

хан представляли уже интересы племенной знати, а не всего народа. Однако наличие всех этих пережиточных патриархальных институтов является ярким доказательством того, что здесь мы имеем дело не с развитым феодальным обществом, а с обществом полупатриархальным-полуфеодальным. Эфемерное и временное объединение многочисленных полусамостоятельных племен в Сельджукском государстве находилось в прямой зависимости от целей организации племенной знатью грабительских походов на земли соседних народов или от целей организации совместной обороны. Экономические и политические основы этого союза были чрезвычайно непрочны, так как подлинной экономической и политической общности в этом разнородном и разноплеменном государстве не существовало. Вся история Сельджукского государства характеризуется набегами на соседей и бесконечными войнами между отдельными родами и племенами¹.

Таким образом, у кемалистских историков нет никаких научных оснований говорить о высокой степени централизации и организованности Сельджукского государства.

С падением непрочной султанской власти Сельджукское государство к 1308 г. распалось, и на его территории возникло более десятка ничем не связанных между собой и взаимно враждующих эмиратов. В основе организации эмиратов лежал не только территориальный, но и племенной принцип, выражавшийся в том, что объединение происходило вокруг правящего рода. Поэтому и название эмирата было связано не с территорией, а с именем рода (Осман-огуллары, Кареси-огуллары, Сарухан-огуллары и т. д.). Раздробленные полуфеодальные эмираты, население которых занималось по преимуществу кочевым скотоводством, а частью военными грабежами, — таково было «наследство», оставленное сельджуками Османскому государству, которое начало возвышаться в начале XIV в.

Мы не будем рассматривать вопрос о том, как и при каких условиях образовался в конце XIII в. Османский эмират в пределах Сельджукского государства. Из источников ясно видно, что зависимость его от Конийского султаната, как и многих других пограничных эмиратов, была минимальной. Территория этого эмирата была весьма незначительной и ограничивалась зимним кочевьем в районе Сегуда и летним — в горах Туманидж и Эрмени, прилегающих к области Вифинии².

Внутреннее управление Османского эмирата на первоначальной стадии его развития было весьма примитивно. Первые османские правители — Осман, Орхан, а некоторое время и Мурад, еще не носили титула султана. Как и все прочие правители эмиратов, они назывались беями или эмирами³. Авторитет бея был основан в тот период преимущественно на патриархальном обычае признания власти общего военачальника, избранного знатью мелких кочевых племен. Правда, с течением времени звание бея превратилось в наследственное, однако есть данные, свидетельствующие о том, что Осман в звании бея утверждался «на совете учбеев⁴ и знатных людей племен»⁵. Точно так же и после смерти Османа, когда

¹ В. А. Гордлевский. Указ. соч., стр. 49.

² *تواریخ آل عثمان* — اور و ج بن عادل Изд. Fr. Babinger. Hannover, 1925, s. 7.

³ Этот факт легко устанавливается по летописным источникам XV в., в которых ни Осман, ни Орхан не именуются султанами; а Мурад называется султаном лишь к концу своей жизни.

⁴ Учбей — глава племени, осуществляющего охрану внешней границы в пределах отведенного ему земельного владения (уджа).

⁵ *ترجمة صحائف الاخبار لمنه باشی*. Стамбул, 1285—1868, т. III, стр. 277.

встал вопрос о том, какому из его двух сыновей стать его преемником, — вновь собралась племенная знать (عزیدلر). На этом собрании обсуждался вопрос о разделе наследства Османа между его сыновьями — Алаэдином и Орханом. Племенная знать утвердила и отказ Алаэдина от титула бея в пользу младшего брата — Орхана¹.

Первоначально организация военного дела внутри Османского эмирата составляла основную функцию верховного правителя — бея, который в первую очередь и был военачальником. На этой, безусловно полуварварской, ступени развития грабительские войны османов были их постоянным и важнейшим «промыслом». И военно-племенную организацию и стремление развивать военный «промысел», разумеется, ни в коем случае нельзя считать «национальной» особенностью турок (как это делают кемалистские историки). Они появились на основе возникшего уже к тому времени социального расслоения внутри Османского эмирата. Военная организация османов, подобные которой существовали в соответствующие времена и в других государствах Европы и Азии, отражала интересы племенной аристократии, стремившейся к захвату военной добычи, дани и новых земель. Учбеи и «знатные люди племен» — вот та верхушка, которая, сосредоточив в своих руках богатства эмирата — землю и скот, определяла, в соответствии со своими интересами, характер, направление и организационные формы политики османских правителей. С середины XIV в. целью турецких завоеваний стали не только открытые грабежи, но одновременно и захват земель ради приобретения права получать доходы с покоренных народов в виде дани и иных форм различного рода повинностей.

Масштабы военных операций османов возрастали, увеличивая богатства верховных беев и военной знати. Вместе с тем, довольно быстрыми темпами стали развиваться все формы уже не только военной организации, но и политического и судебно-административного управления молодого Османского государства. Первоначально аппарат государственной власти был крайне примитивным. При Османе выступают в качестве его ближайших сподвижников родичи — сыновья, братья и т. д. Их он сделал первыми эмирами, между ними распределил в виде пожалований все приобретенные силою оружия крепости². Главным помощником в осуществлении публичной власти являлся старший сын Османа — Алаэдин. Автор цитированного выше компилятивного летописного свода турецкой истории, Мюнеджжим-баши (ум. в 1702 г.) сообщает: «На туркменском языке старшему сыну присваивается наименование паши и потому его (Алаэдина. — А. Т.), как старшего из братьев, называли пашой»³. В военных делах помощником Османа был его второй сын — Орхан, получивший титул эмира над эмирами (эмир уль-умера)⁴. Сам Осман до конца своей жизни не порывал связи с кочевым скотоводческим хозяйством и в свободное от походов время отправлялся покочевать на просторах летних пастбищ⁵.

Постепенно организация государственного управления усложнялась, и в число военачальников и эмиров все чаще попадали представители военной и племенной феодализирующейся знати, не связанные с османскими правителями узами родства. Титулы паши и эмира над эмирами также

¹ Die altosmanische Chronik des Aşikpaşa-zâde auf Grund mehrerer neuentdeckter Handschriften, von neuem herausgegeben von Friedrich Giese. Leipzig, 1929, S. 34—35.

² См. Орудж Адиль, стр. 12.

³ См. Мюнеджжим-баши, т. III, стр. 278.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

стали жаловаться не только по признаку родства с султанами, но и за соответствующие заслуги перед султаном.

В складывавшемся таким образом Османском государстве все мероприятия осуществлялись в интересах быстро растущего класса феодализирующихся землевладельцев; основой благополучного существования этого класса становились, с одной стороны, развивавшаяся система военно-ленного землевладения, которая обеспечивала право эксплуатации сельскохозяйственного населения, а с другой стороны, организуемые с помощью верховной власти захватнические походы против соседних народов. По мере расширения завоеваний османским военачальникам разрешалось по своему усмотрению представлять отличившихся воинов к награде земельными угодьями в завоеванных областях. Это благоприятствовало как быстрому росту численности самого класса земельных владельцев, так и расширению его экономической базы. Имущественное и социальное неравенство среди османских завоевателей продолжало развиваться усиленным темпом. Основой этого неравенства было неравное распределение материальных благ внутри османского общества (в первую очередь — земли, как основного средства производства материальных благ) и узаконенное государством право эксплуатации имущим классом непосредственных производителей.

Из источников можно понять, что существовали две формы раздачи земель, завоеванных турками. С одной стороны, представители военной знати получали в управление целые области и лучшие земли в качестве ленных пожалований. Турецкий летописец XV в. Ашик-паша-заде (ум. ок. 1484 г.), говоря о раздаче деревень «газиям», специально подчеркнул, что Осман «каждому оказывал уважение в соответствии с его положением»¹. Так, например, после завоевания Никомидии Орхан отдал весь тот край некоему «храбрецу» Кара Мюрселю с тем, чтобы он, разделив земли на тимары, раздал их достойным. Ялакова была передана одному из военачальников, по имени Акча Коджа, и газиям, которые пришли с ним².

С другой стороны, имело место массовое переселение малоазиатских жителей-кочевников в завоеванные области. Эти переселенцы получали места для расселения как во вновь захваченных крепостях, так и на землях, где можно было заниматься земледелием и скотоводством. По свидетельству Ашик-паша-заде, когда в захваченном Караджахисаре дома остались пустыми, множество народа, пришедшего из Гермияна и других областей, стало просить у Османа жилища, и он раздал им эти дома³. Летописец XV в. Орудж Адиль сообщает, что после завоевания Никомидии некоторые области были переданы народу Яхшиллы и Акбаш⁴. Когда сын Орхана Сулейман переправился на Галлиполийский полуостров и захватил там ряд крепостей, то он прежде всего потребовал от своего отца прислать побольше мусульман для заселения приобретенных земель, жители которых были уничтожены или бежали. В только что завоеванной перед этим области на побережье Мраморного моря — Кареси в тот момент появилось кочевое племя арабов, которое немедленно со всем их имуществом и домами (т. е. шатрами) было переброшено на Галлиполийский полуостров. Переселение жителей из области Кареси было постоянным явлением во время первого периода турецких завоеваний на Балканах⁵. Позже в качестве переселенцев появляются и жители других областей. При султани Мураде, после завоевания в 1360 г. Загоры и Филиппополя, каждый из

¹ Ашик-паша-заде, стр. 23.

² Там же, стр. 39; Орудж Адиль, стр. 15.

³ Ашик-паша-заде, стр. 18.

⁴ Орудж Адиль, стр. 15.

⁵ Ашик-паша-заде, стр. 46.

беев стал управителем уджа¹, вместе с тем, на земли в окрестностях Саруза были переселены кочевники-юрюки из области Сарухан².

Из множества подобного рода сообщений исторических источников становится очевидным, что завоевания и приобретения распределялись, в первую очередь, среди представителей военной знати, которая получала, таким образом (помимо непосредственной военной добычи), важнейший источник для дальнейшего обогащения в виде земельных пожалований. Баснословные богатства, в короткий срок накопленные и в казне османских правителей и в руках отдельных военачальников, изумляли современников³.

Известно, что богатства первых османских правителей и знати были захвачены в короткое время. Осман, как сообщают источники, был обладателем очень скромного имущества обычного кочевого бея. Несколько коней, два-три стада баранов, меч и кираса — вот все наследство, оставшееся после его смерти⁴. Бывали времена, когда сил и средств для осуществления походов оказывалось мало, и к каким только выдумкам ни приходилось прибегать первым османским военачальникам! Так, например, Орхан разрешил продать одного из византийских архонтов, захваченного в плен, архонту Никомидии для того, чтобы полученные деньги израсходовать на подготовку осады этой же крепости⁵.

Лишь с течением времени, и особенно при султанах Мураде, доходы султанской казны настолько возросли, что стало возможно содержать оплачиваемое войско, строить дворцы и мечети, удивлять богатыми празднествами посланцев соседних стран. Со времени султана Мурада I было официально узаконено и отчисление пятой доли со всей военной добычи, к которой причислялись и пленные. Таким образом, дань с покоренных народов и военная добыча стали важнейшим источником доходов государственной казны. Труд сельского и городского населения покоренных областей на Балканах и в Малой Азии был превращен в источник существования и обогащения военной феодализирующейся знати, племенных беев и духовенства.

В то время как на одном полюсе, т. е. в руках аристократической верхушки, с помощью военной силы и государственной власти происходило сосредоточение материальных ценностей, политических прав и привилегий, на другом полюсе, т. е. у городского и сельского трудящегося турецкого и не-турецкого населения, соответственно росло количество обязанностей и повинностей в отношении господствующих классов и государства, а положение их в политическом отношении становилось все более бесправным.

Экономическое положение сельского населения определялось тем, что с началом раздачи завоеванных земель в военно-ленное владение оно стало включаться в списки райи и, вследствие этого, становилось обязанным обрабатывать землю и платить определенные налоги леннику-землевладельцу или непосредственно государству. Юридическое оформление повинностей сельского населения мы находим позже, лишь в Законнике султана Мехмеда II (1451—1481), однако несомненно, что при Мехмеде II были зафиксированы формы экономических отношений, которые фактически сложились в предшествующий период. Общий ход развития экономических отношений между аристократической верхушкой завоевателей и

¹ Орудж Адиль, стр. 21; Ашик-паша-заде, стр. 56.

² Орудж Адиль, стр. 24. Об этом же сообщается в анонимной хронике XV в. См. рукопись ИВ, т. 149, л. 14-б.

³ См. قوجه حسين نوازيخ آل عثمان. Рукопись ИВ, С. 564, л. 114-а.

⁴ Там же, л. 36-б.

⁵ Там же, л. 41-а.

покоренным не-турецким населением характеризуется постепенной эволюцией налога — дани в различные конкретные виды поземельных, подоходных и личных налогов под общим названием «харадж» и «джизье» (обычно эти налоги существовали в данной местности ранее). Это влекло за собой и постепенное оформление отношений землевладельца-завоевателя и земледельца-покоренного как феодала и зависимого труженика. Однако этот процесс развивался постепенно, в соответствии с объективными закономерностями экономического и политического развития феодального общества. Данные турецких исторических источников показывают, что турецкие завоеватели, стоявшие на более низкой ступени социально-экономического развития, нежели покоренные народы, лишь постепенно развиваясь сами, приобщались к новым для них общественным отношениям.

Первоначально харадж — дань — всюду выступает вслед за непосредственной военной добычей — главным стимулом завоевательных походов османских полчищ. Сербские, болгарские, византийские, венгерские и другие области, до насильственного включения их в состав Османского государства, силою оружия принуждались к уплате дани. Взямая дань с этих областей, османские завоеватели еще не вступали в непосредственные отношения с податным населением. Дань собиралась правителями данных стран при помощи существовавшей системы местного управления, которая на этом этапе не подвергалась никаким изменениям. Необходимость уплаты дани турецкому султану неизбежно влекла за собой для народов завоеванных стран значительное увеличение податных тягот. Господствующий класс местных феодалов и вся система местного государственного управления продолжали оставаться на содержании тех же народных масс, и потому, с обложением страны хараджем — данью, на плечи этих масс обрушивался двойной гнет.

По мере того как завоеванные земли насильственно включались в состав Османского государства и распределялись среди турецкой знати в качестве военно-ленных пожалований — тимаров, податное население становилось в зависимое положение по отношению к новым землевладельцам — турецкой военно-феодальной аристократии. Начиная с этого момента покоренное население превращается в бесправную райю, которая должна была уплачивать под названием хараджа и джизье огромное количество налогов уже непосредственно своим новым господам — турецким тимариотам и пашам или в казну султана.

На крестьян некоторых покоренных областей возлагались обязанности снабжать султанский двор определенным видом какой-либо наиболее ценной сельскохозяйственной продукции. Так, например, после взятия в 1364 г. Филиппополя крестьянам этой области было вменено в обязанность, помимо прочих культур, возделывать рис. Если верить сообщениям турецких источников, то для казны здесь ежегодно производилось риса на сумму в 4 млн. акче¹ («kirk kerre yüz bin akçe»)².

Точно так же и городское ремесленное население облагалось различного рода тяжелыми повинностями в пользу завоевателей. Мы узнаем, что жители одной из крепостей близ Никеи, занимавшиеся выработкой изделий из козьей шерсти, после турецкого завоевания были обязаны выделывать только попоны для коней «газиев»³.

¹ Акче — мелкая серебряная монета, стоимость которой первоначально составляла $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ дирхема. Дирхем (драхма) по весу равен 3 г 78 мг. С течением времени стоимость акче изменялась.

² Коджа Хюсеин. Указ. рукопись, л. 63-6.

³ Там же, л. 47-а.

Многочисленны и разнообразны были повинности, установленные для христианских подданных Османского государства, сумевших сохранить жизнь и избежать плена во время турецких набегов. Терроризированные до последней степени, они должны были превратиться в париев на родной земле и служить во всем своим поработителям. Помимо всего прочего, тяжелым гнетом на покоренных ложилась обязанность отдавать через каждые 3—5 лет султанским сборщикам лучших из своих сыновей в возрасте от 7 до 15 лет¹. Этот налог мальчиками, введенный после завоевания Адрианополя султаном Мурадом I, был подлинным проклятием для христианского населения покоренных стран. И немалое количество сербов, македонцев, босняков, болгар и др., спасая свою жизнь и жизнь своих детей, переходили в ненавистную им религию своих поработителей. Турецкое завоевание открыло самые мрачные страницы в истории балканских народов.

Таким образом, приведенные из турецких же первоисточников данные отчетливо показывают, что Османское государство на первоначальной стадии своего развития представляло собой полуварварское «разбойничье»² государство с крайне низким уровнем социально-экономического развития, с феодализирующимися общественными отношениями. Племенная и военная аристократия, в интересах которой Османское государство вело бесчисленные грабительские войны, приспособлялась в покоренных землях к существовавшим там более развитым формам общественных отношений и таким образом использовала давно сложившиеся в этих странах формы и методы феодальной эксплуатации трудящихся. Разумеется, при этом происходил активный процесс феодального развития и внутри османского общества, который отчетливо прослеживается по данным турецких исторических источников.

Несомненно, что все эти факты известны и кемалистским фальсификаторам средневековой истории Турции, однако, в угоду своим реакционным политическим целям, они, как мы видели, искажают правду, отвергая все то, что не соответствует их буржуазно-националистической концепции мнимого превосходства турецкой «нации» над другими народами.

В период с 1360 по 1396 г. османские орды, продвигаясь шаг за шагом во внутренние области сначала Сербии, а затем Болгарии, опустошая города и селения, истребляя, терроризируя и уводя в плен население, вывозя с каждым походом все большее количество военной добычи, постепенно завладевали городами Адрианополем, Димотикой, Загорой, Гюмюлджиной, Вардаром, Филиппополем, Визой, Кестендилем, Софией и многими другими. Население Балкан оказывало турецким завоевателям упорное сопротивление и часто, уничтожая все, что могло оказаться полезным противнику, уходило в неприступные горы³. Однако переход некоторой части местной феодальной знати на службу к турецкому султану и, следовательно, отсутствие полного единодушия в организации отпора завоевателям, внутренние феодальные раздоры и раздробленность — все это имело самые печальные последствия для судеб народов Балканского полуострова.

Завоевания и огромные приобретения османской знати на Балканском полуострове в виде бесчисленных ценностей и пленных — рабов, в виде золотых и серебряных рудников, в виде скота и богатых запасов пшеницы

¹ Uzunçarşılı, I. H. Osmanlı Devleti teşkilâtından Kapıkulu ocakları. Ankara, 1943, с. I, s. 14.

² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 223.

³ Коджа Хюсеин, л. 69-а.

и ячменя¹ и, наконец, обширных земельных площадей с сидевшим на них сельскохозяйственным населением стали источником возрастающей военной мощи Османского государства.

Для управления покоренными народами турецким султанам нужно было привлечь на свою сторону представителей господствующей феодальной верхушки завоеванных областей. Султанам важно было использовать их знания местных языков и обычаев. Переход на службу к турецким султанам, сопровождавшийся обычно принятием ислама, позволял ренегатам из числа христианской феодальной знати занять привилегированное положение и при новых господах. Такого рода ренегаты появляются на службе у турецких султанов довольно рано. Так, например, уже при Османе в качестве одного из его ближайших сподвижников мы видим некоего Михал-бея. Мюнеджжим-баши пишет: «Между султаном и Кёсе Михалом окрепли доверие и дружба, так что они советовались по всем делам, и султан направлял его по важнейшим поручениям»². Несомненно, переход на сторону турецкого султана части феодальной верхушки Византии, а затем Балканских государств также способствовал более быстрому развитию Турецкого государства и укреплению турецкого господства над покоренными народами. Во время захвата турками Галлиполи и первых походов вглубь Балканского полуострова мы видим в качестве одного из ближайших сподвижников султана Мурада некоего Эвренос-бея, также бывшего выходцем из не-турецкой среды³. С течением времени число местных феодалов, переходивших на службу к турецкому султану, значительно возросло. Среди них мы встречаем таких влиятельных лиц, как сына сербского князя Лазаря — Стефана и др.⁴

Турецкие летописцы, которые, будучи представителями знати, как правило, чрезмерно идеализировали османских султанов, дали основание многим буржуазным исследователям создать легенду о «справедливом» отношении турок-завоевателей к покоренным, об их «благородстве», «веротерпимости» и т. д. Современные же кемалистские историки, раздувая именно эту сторону в характеристике турецких завоеваний, пишут, например, в официальной истории «Тарих», что османская система управления будто бы обеспечивала защиту чести, имущества и личности каждого подданного⁵. Кемалистские историки утверждают, что турки «освободили» балканские народы от «феодализма» (!), что они якобы принесли новые, более высокие формы организации государственной жизни и т. д.⁶ Выставляя подобного рода утверждения, турецкие националисты не стесняются извращать исторические факты, когда эти факты свидетельствуют против их фальшивых теорий. Они считают возможным заявлять об «освобождении» балканских народов турецкими завоевателями, в то время как в турецких исторических источниках сообщается о страшных насилиях и безмерных тяготах, которым подвергались жители покоренных областей.

«Когда был завоеван Караджахисар, — читаем мы в летописи, — то побежденный правитель его со всеми чадами и домочадцами и всем имуществом был взят в плен. Текфур (т. е. архонт. — А. Т.) из-за столь славной победы мусульман перешел на службу к султану, а прочее имущество

¹ Коджа Хюсеин, л. 66-б—69-а.

² Мюнеджжим-баши. т III, стр. 276.

³ Орудж Адиль, стр. 20 и сл.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Tarih, т. III, стр. 3—4.

⁶ См. напр., Omer Lütfi Barkan. Osmanlı İmparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî statüsü. Ülkü, с. IX, N 49, s. 48; N 53, s. 336.

было распределено между победителями. Дома неверных отданы газиям. Беспомощная неверная райя обложена хараджем»¹.

В другом месте рассказывается о том, что, когда один из виднейших военачальников султана Мурада I — Лала Шахин паша после завоевания Адрианополя повел дальнейшее наступление, то по дороге к крепостям Ихтиман и Смаков, в глубоком ущелье между двумя горами, «кяфиры» засели с оружием и оказали упорное сопротивление. Когда же турки, в результате ожесточенного сражения, истребили отважных патриотов и сбросили их в пропасть, а крепости были захвачены, — райя обязана была платить харадж².

Чем иным, как не умышленной фальсификацией истории, можно назвать игнорирование кемалистскими лжеучеными подобных свидетельств источников? А ведь таких свидетельств существует большое количество.

В то время как кемалистские историки приписывают турецким султанам-завоевателям черты «просвещенных и справедливых» абсолютных монархов, источники рисуют их полуварварами, лишь приспособившимися к условиям господства над более развитыми народами. Например, один из наиболее ранних османских летописцев Ашик-паша-заде сообщает о следующем весьма показательном в этом отношении случае, имевшем место при Османе:

«Явился к Осману из Гермияна один человек и говорит:

— Продай мне пошлину (бадж) с этого базара.

Осман спрашивает:

— А что такое бадж?

Тот отвечает:

— С каждого, кто придет на базар, я возьму плату.

— Разве народ на этом базаре у тебя в долгу, что ты с них будешь брать деньги? — удивился Осман.

— Хан мой, — отвечает тот человек, — таков обычай. Всюду падишахи так требуют.

— Это по божьему соизволению или беи сами так сделали? — спросил Осман гази.

— Таков обычай, хан мой, он существует издавна, — ответил тот человек.

Тогда Осман до крайности рассердился:

— Ну, ты! Проваливай! Какое мне дело до собственности человека, желающего извлечь из этого выгоду, чтобы я брал с него деньги? Уходи и не смей говорить мне об этом, иначе будешь наказан.

Тогда вмешались его люди (кадии и субаши), которые сказали:

— Господин наш, таков обычай беев в отношении базара. Каждый им что-нибудь дает.

— Ну, если вы так говорите, — закончил султан, — то пусть отныне будет так: каждый человек, привезший на базар вьюк и продавший его, пусть платит два акче, а если не продаст, пусть ничего не платит»³.

Приведенный летописцем факт говорит о том, что первые османские правители, столкнувшись с народами, стоявшими на более высоком уровне развития, начинали постепенно воспринимать такие формы общественных отношений, которые ранее туркам были неизвестны. Но факты такого рода кемалистских историков «не устраивают». Эти историки «интерпретируют» цитированное место из сочинения Ашик-паша-заде таким образом,

¹ Коджа Хюсеин, л. 22-б; Мюнеджжим-баши, т. III, стр. 274.

² Там же, л. 62-б.

³ Ашик-паша-заде, стр. 19—20.

что, будто бы, Осман, рассердившись, прогнал пришельца из Гермияна; они хотят заставить читателя думать, что предложение о взимании рыночной пошлины было отвергнуто Османом с возмущением и что, следовательно, османским правителям чужды были какие-либо материальные интересы. Такого рода антинаучные приемы кемалистских историков выдают их с головой, как самых беззастенчивых фальсификаторов истории.

Вот еще один пример фальсификации исторических фактов.

Упомянутый нами выше заядлый фальсификатор турецкого средневековья Омер Лютфи Баркан, в предисловии к изданному им в 1945 г. объемистому собранию документов по вопросам экономической истории средневековой Турции¹, старается изобразить административную государственную систему османов в качестве идеальной, единственной и неповторимой. При этом, цитируя документ, свидетельствующий о том, что турецкие завоеватели вынуждены были приспосабливаться к условиям жизни покоренных народов и воспринимать их более развитые формы общественных отношений, Баркан без всякого смущения делает вывод, прямо противоположный тому, который яснее ясного вытекает из объективного анализа этого документа: он заявляет, что в Турции господствовали только самобытные и традиционные (идущие якобы от ильханов) экономические и социальные институты, которые не изменялись ни при каких условиях².

Таких бессовестных подделок истории кемалистскими писателями можно привести множество. Полагаем, что и сказанного достаточно для разоблачения неблагоприятных манипуляций кемалистов с историческим материалом.

Кемалистские историки утверждают, что турецкие султаны якобы создали «образец» абсолютной монархии, к которой европейские страны пришли лишь только в XVIII в.

Прежде всего, совершенно очевидно, что ничего «образцового» турки вообще создать не могли, потому что уровень их общественного развития был ниже уровня развития покоренных ими народов. Повидимому, под термином «абсолютная монархия» кемалистские лжеученые имеют в виду те черты деспотической власти султана, которые складываются окончательно лишь к середине XV в. Они не понимают или не желают понимать того, что абсолютная монархия является категорией исторической, возникновение которой относится к периоду разложения феодального общества и зарождения в его недрах капиталистического способа производства. Кемалистские историки умышленно затушевывают классовую природу абсолютизма и социально-экономические причины его появления. Победа королевской власти над крупными феодалами в период возникновения абсолютных монархий могла произойти лишь при условии поддержки центральной власти со стороны зарождавшейся буржуазии³. Но о появлении буржуазии в феодальной Турции до конца XVIII в. не может быть и речи, как не может быть и речи о том, чтобы государственный строй Османского государства раннего периода смог стать «образцом» для европейских абсолютных монархий XVI—XVIII столетий.

Социальная природа деспотической власти турецких султанов была совсем иной, нежели западноевропейских абсолютных монархий более позднего периода. Эта деспотическая власть базировалась на взаимной «поддержке» между правителем государства и нуждавшимися в его крепкой власти военно-ленными держателями, значительная прослойка которых

¹ Ömer Lütfi Barkan. XV ve XVI asırlarında Osmanlı İmparatorluğunda hukukî ve malî esasları. C. I. Kanunlar. İstanbul, 1945.

² Там же, стр. LXIX—LXXII.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445—449.

постепенно выросла из бывших военных сподвижников султана. Прочность деспотической власти султана и покорность ей военного ополчения находились в прямой зависимости от того, насколько успешно осуществлялись военные походы, не только приносившие богатую военную добычу и пленных, которые превращались в рабов, но и способствовавшие расширению земельных владений военного сословия — сипахи, увеличению численности эксплуатируемого земледельческого населения. Завоевательная политика турецких султанов диктовалась этими захватническими интересами военной знати, которая нуждалась к тому же в средствах для укрепления своей власти над собственным народом. Таким задачам отвечала вся система военной организации Турецкого государства, охватывавшая довольно широкие слои собственно турецкого населения, эксплуатировавшегося ленными владельцами.

Чудовищное ограбление покоренных народов, в целях содержания этой военно-деспотической машины, обрекало страны, подпавшие под турецкое иго, на многовековый застой в их общественно-экономическом развитии. В связи с этим необходимо сказать несколько слов о так называемом «гуманном» характере турецких завоеваний, который столь воспевается ныне кемалистскими историками.

Из этой же кемалистской официальной истории мы узнаем, что «турки осуществляли политику охраны народных земель. Христианские земледельцы на Балканах под управлением турок достигли более счастливой жизни, чем при базилевсах и королях. Турки, не бывшие ни в малейшей степени фанатиками и знавшие весьма совершенные формы управления, не затронули крестьянских земель, даже увеличили эти земли. Они не разрушили организацию сельской жизни христианских подданных и сохранили их общественные и религиозные учреждения»¹. Так пишут новейшие буржуазные историки.

Однако совершенно иначе выглядит картина турецких завоеваний в изображении источников.

Византийские, армянские и другие историки в своих повествованиях рисуют нам страшную картину бедствий, которые несло с собой вторжение тюркских завоевателей в пределы Малой Азии. Основываясь именно на показаниях этих источников, Ф. И. Успенский писал: «Как прежде сарацинские наезды из-за Тавра, так и в настоящее время туркменские (т. е. огузские. — А. Т.) походы, простиравшиеся до Каппадокии, Понта и Фригии, наносили непоправимый ущерб трудолюбивому земледельческому населению этих областей, стесняли культурное население и обращали в пастбища занимаемые ими земли»².

Даже на основе тех турецких исторических источников, авторы которых крайне идеализируют действия правителей Турции, захват турецкими завоевателями городов и областей, заселенных не-турецким населением, рисуется далеко не в столь идиллических красках, как это пытаются представить кемалистские фальсификаторы истории. Так, например, подавляющее большинство городов и крепостей в западной части Малой Азии (Инегёль, Караджахисар, Биледжик, Акхисар, Эвренос и др.) были еще при Османе разграблены и разрушены (غارث و نامرئيب)³, население их было либо истреблено поголовно, как, в частности, в Караджахисаре⁴, либо взято в плен, либо спасалось, бежав в горы, как это было в крепости

¹ Tarih, с. III, s. 36.

² Ф. И. Успенский. Движение народов из Центральной Азии в Европу. ВВ, т. I, М., 1947, стр. 18.

³ Мюнеджжим-баша, т. III, стр. 274—285.

⁴ Там же, стр. 274.

Гейве¹. В Никомидии (Изникмид) все мужское население, способное воевать, было перебито, а остальные жители города взяты в плен². Осажденная Никея (Изник) была взята измором и вынуждена была сдаться на милость победителя. Пораженный красотой города, султан Орхан не допустил его разграбления. Однако, как мы узнаем, положение жителей города от этого ни в какой мере не оказалось лучше положения населения городов, подвергнувшихся полному разграблению. Вот что сообщается в одном из исторических повествований. Однажды султан Орхан обходил и осматривал только что захваченный город Никею. К нему с воплем обратилась толпа женщин. «Многие из нас, — кричали они, — погибли от мечей твоих воинов, и скольких унесли голод и чума. От недостатка и несчастий жизнь наша стала невыносимой». Тогда султан обратился к своим кадиям и сипахиям с указом: «Пусть те, у кого есть нужда в этом, возьмут к себе жен из числа этих женщин». И тем, кто женился, он давал дом и назначал содержание³. Земли, прилегающие к Никее, были розданы завоевателям в качестве пожалований. Ремесленники города, славившиеся своими изделиями из козьей шерсти, были обязаны отныне делать попоны для лошадей газиев⁴.

Разве это не яркая картина страшной участи покоренного населения, постигавшая его независимо от того, оказывало ли оно сопротивление завоевателям или сдавалось на милость победителей? При всех обстоятельствах им предназначалась участь рабов, обязанных работать на своих новых господ, или же они подвергались беспощадному истреблению.

Известно, что султан и окружавшая его знать рассматривали покоренное население захваченных ими областей исключительно как рабов. При султанах Орхане обнаружилось, что ни кавалерия из кочевников (акынджи), ни созданное полурегулярное войско (яя) не могут быть достаточно прочной опорой султанской власти, так как они склонны были проявлять неповиновение. Тогда возникла необходимость создать более надежную армию. Однако людские ресурсы турок были довольно ограничены, поэтому, в целях укрепления военной опоры султанской власти, было решено использовать покоренное население, с которым можно было не церемониться. Приближенные Орхана, по почину брата его Алаэддина-паши, придя к такому выводу, сделали султану такое заявление: «Множество областей кяфиров с их детьми являются покоренными. Мужчины и женщины их превращены в рабов. Все они суть твои рабы и рабыни. Взять из детей кяфиров несколько тысяч в качестве военного обложения по закону и разумению дозволено и возможно»⁵. Итак, рабы и рабыни — вот кем являлось покоренное население для турецкой знати.

Мы знаем, что грабеж, захват земель и пленных были главным стимулом турецких завоеваний. Знакомясь по первоисточникам с историей завоевания турками стран Балканского полуострова, мы устанавливаем страшную картину. Каждый поход, захват каждого города и области Сербии, Боснии, Болгарии и т. д. сопровождался истреблением одной части населения и ограблением другой, разрушением жилищ и уводом в плен десятков тысяч людей и обращением их в рабов. Описание

¹ Там же, стр. 281.

² Там же, стр. 285.

³ Коджа Хюсеин. Указ. рукопись ИВ, С 564, л. 46-6. Об этом рассказывает и Ашик-паша-заде в своей «Истории», на стр. 41.

⁴ Коджа Хюсеин, л. 47-а. Между прочим, Ибн-Батута, побывавший в Изнике вскоре после захвата его турками, сообщает, что «город разрушен и жителей в нем небольшое количество из числа слуг султана» (سياحتنامه ابن بطوطه). Тур. перевод М. Шерифа. Стамбул, 1333 г. хиджры (1915), стр. 342.

⁵ Коджа Хюсеин. Указ. рукопись ИВ, л. 45-а.

каждого похода в источниках неизменно заканчивается фразой: «Подвергнув опустошению все вокруг, взяли для мусульман неисчислимую добычу»¹. Или: «Возвращаясь из похода, везли с собой бесчисленную добычу, пленных и отрубленные головы»². Нередко при захвате отдельных областей население целых районов вывозилось в Анатолию³ и т. д. Участвовавший в 1438 г. в набеге на южные области Венгрии летописец Ашик-паша-заде сообщает, что пленных, захваченных в этом походе, оказалось так много, что рабыню-пленницу можно было получить в обмен на сапоги. Сам Ашик-паша-заде привез из этого похода девять пленниц, три из которых он продал по 300 акче, а остальных — по двести⁴.

В Адрианополь, Брусу, а затем в Стамбул непрерывным потоком текла колоссальная военная добыча, способствовавшая обогащению военно-феодальной знати, укреплению ее экономического и политического значения. За счет награбленных средств в крупнейших городах государства стали возводиться дворцы, мечети, медресе, караван-сарай и т. д. Начала исчезать простота нравов правящей верхушки, уступая место роскоши и расточительству. Так, например, уже в 1387 г. один из наиболее видных султанских эмиров, назначенный бейлербеем Румелии, Тимурташ-паша, по случаю женитьбы сына султана Мурада — Баязида, доставил ко двору подарок, который состоял из 100 гулямов (мальчиков-рабов) и 100 рабынь. При этом из них была составлена красочная процессия: первые 10 гулямов несли по серебряной чаше, наполненной золотом, следующие 10 гулямов несли по золотой чаше, наполненной серебром, остальные 80 гулямов несли серебряные подсвечники, кувшины, вазы, подносы и прочие ценные вещи. «Богатство, — заключает летописец, — поразило чужестранных послов»⁵.

Все это добывалось грабежом, а грабеж, разумеется, ничего общего с «гуманностью», о которой столь усердно распространяются кемалистские лжеисторики, иметь не может. Изображая турецких завоевателей в качестве «справедливых и милосердных» покровителей «угнетенного феодализмом» христианского населения Балканских стран, кемалистские буржуазные националисты сознательно фальсифицируют, таким образом, историю, скрывая от читателей объективную истину. Противопоставляя европейскому феодализму военно-политическую государственную систему османов, кемалистские фальсификаторы истории всячески замазывают классовую сущность феодализма у турок. Они изображают политический строй турок в виде особой, «самой справедливой» формы административной, «чисто» политической организации. Распределение земель, формы собственности и формы землепользования, формы и методы взимания налогов (т. е. эксплуатации трудящихся) в Османском государстве они рассматривают как раз и навсегда данные «идеальным», «самым совершенным» мусульманским правом, которое будто бы было еще более усовершенствовано турецкими завоевателями⁶. Это лживое утверждение, которое, как мы увидим ниже, широко пропагандируется современными турецкими лжеучеными типа Омер Баркана и ему подобными, имеет целью, с одной стороны, изобразить турецких завоевателей в виде «культуртреге-

¹ Мюнеджжим-баш, т. III, стр. 285, 290, 293 и др.; Коджа Хюсеин. Указ. рукопись, лл. 28-б, 41-а и т. д.

² Мюнеджжим-баш, т. III, стр. 294.

³ Там же, стр. 289.

⁴ Ашик-паша-заде, стр. 125.

⁵ Мюнеджжим-баш, стр. 295.

⁶ См., например: J. H. Uzuncarsılı. Osmanlı devletinin merkez ve bahriye teşkilâtı. Ankara, 1948, s. 320 и сл. Hüseyin Namık Orkun. Türk Tarihi. Ankara, 1946, с. II, s. 142; с. IV, s. 241—245.

ров» и «освободителей» покоренных народов, а с другой стороны, обосновать реакционную фашистскую «теорию» относительно отсутствия классовой борьбы в турецком обществе, об извечной «гармонии» классовых интересов, свойственной якобы только туркам.

Однако источники показывают, что не освобождение от феодальных пут принесли турки народам Византии и Балканского полуострова, а рабство и истребление, отбросив развитие покоренных народов на несколько столетий назад. В общеисторическом плане турецкое господство явилось для завоеванных стран величайшей катастрофой, обрекавшей их на долгий, мучительный путь прохождения заново пережитого этапа развития в более тяжелых условиях иноземного ига.

Существовавшая в западноевропейской буржуазной исторической литературе версия о том, что турки в первое время не чинили притеснений покоренным народам, имеет, на наш взгляд, своим источником высказывания тех представителей феодальной верхушки некоторых областей Балканского полуострова, которые перешли на службу к турецкому султану и вследствие этого часто выступали в качестве прямых апологетов Турецкого государства и его военно-политической системы. Так, например, византиец Критовул Имбросский служил султану Мехмеду Фатиху и написал восторженный панегирик в честь этого правителя¹. Однако ни Критовул, ни другие подобные ему предатели из числа христианских феодалов отнюдь не отражали настроений народных масс, на плечи которых легла вся тяжесть военных ударов турок и гнета этих иноземных эксплуататоров. Наоборот, как мы уже отмечали выше, ренегаты, выходцы из среды христианской феодальной верхушки, служили в известной мере опорой турецких правителей в осуществлении политики насилия по отношению к их собственному народу.

Это положение подтверждается документами, публикуемыми самими же кемалистскими историками, пытающимися дать этим документам ложное толкование. В одном из таких документов, относящихся к первой половине XVII в., мы читаем следующее обращение турецкого бейлербей области Буды к палатинскому воеводе Николаю Эстергази: «Вы, друг наш, знаете, что счастье райи состоит в том, чтобы обрабатывать свой чифт (надел земли. — А. Т.) и производить посев. Следует пресекать стремление райи к ношению меча. Особенно Вы, друг наш, постоянно извещаете о городах, говоря: нежелательные действия райи пресечены. И вот такими Вашими действиями это прекращается... Мой почтенный друг, Вы содействуете укреплению во имя постоянных благих намерений (нашего) богом данного союза и правильными мерами искореняете возникающие беспорядки»².

Разумеется, в отношении к тем местным феодалам, которые становились на сторону завоевателей, турецкие правители, будучи крайне заинтересованы в них, как в своей опоре, были до поры до времени «добры и милостивы». В этом нет ничего удивительного. Это обстоятельство, естественно, вызывало «благодарность» султанам со стороны таких ревностных служителей «порядка». В письме одного из беев Трансильвании — Б. Габора, мы читаем: «От усопшего султана Ахмеда I мы видели много хорошего. Если бы совершим неблагоприятные поступки по отношению к его детям и по отношению к Османскому государству, то хлеб и ~~сено~~, которые мы ели в Турции, застрянут у нас в зубах»³.

¹ K. Müller. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, t. V. Paris, 1883.

² Tayib Gökbilgin. *Macaristan'daki türk hâkimiyeti devrine ait bazı notlar*. *Türkiyat Mecmuası*, 1942, с. VII—VIII, cüz 1, s. 207.

³ *Ibid.*, s. 206.

Анализ такого рода документов с неопровержимой ясностью показывает, что союз и дружба между турецкими правителями и представителями местной феодальной знати отнюдь не означали благоволения султанов ко всей массе покоренного населения, как это пытаются представить турецкие националисты. Первый из приведенных документов, прежде всего, красноречиво свидетельствует о том, что покоренное население городов и селений никогда не мирилось с турецким господством и с оружием в руках вело упорную борьбу против поработителей, отказываясь обслуживать их своим трудом. Местная знать нужна была завоевателям только для того, чтобы держать в повиновении народные массы. На данном примере мы снова видим, как современные турецкие историки сознательно фальсифицируют источники в своих политических целях, выхолащивают из них социальное содержание, извращают факты и дают неверное, лживое изображение сущности и характера турецкого господства над покоренными народами.

Завоеватели, стоявшие, как уже указывалось, на более низкой ступени исторического развития, по сравнению с завоеванными, не были в состоянии, да и не собирались коренным образом изменить положение покоренных земледельцев. Главной движущей причиной турецких завоеваний было стремление феодализирующейся знати приобрести новые земли вместе с сидевшим на них земледельческим населением. Система феодальной эксплуатации, существовавшая в странах Балканского полуострова, в полной мере отвечала интересам захватчиков. Сохранить эту систему и использовать ее при содействии какой-то части местной феодальной знати, с помощью некоторых местных форм управления и даже с помощью местных религиозных учреждений, было значительно выгоднее, чем каким бы то ни было образом ломать эту систему. Сгонять крестьян с их наделов завоевателям не было никакого смысла, точно так же, как им важно было использовать для себя и труд городских ремесленников. Но эта политика диктовалась отнюдь не альтруистическими, а исключительно своекорыстными мотивами. Именно это обстоятельство имел в виду К. Маркс, говоря, что османская военно-феодальная система не затронула существа производственных отношений, сложившихся до турецкого завоевания: «Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления»¹. Однако в дальнейшем, как это хорошо известно, хищническая эксплуатация покоренных турецкой феодальной знатью балканских народов весьма тяжело отразилась на развитии производительных сил и производственных отношений у этих народов, став одним из главнейших тормозов в их историческом развитии. Об этом-то кемалистские историки предпочитают молчать, так как факты опровергают все их лживые измышления о характере турецкого господства на Балканах.

Перейдем теперь к рассмотрению того утверждения кемалистских историков, в соответствии с которым Османское государство якобы было носителем особой, специфически-турецкой системы управления, исключавшей возможность зарождения классовых противоречий и классовой борьбы, стоявшей будто бы над обществом и являвшейся организатором «идеальной гармонии» социальных и национальных интересов подданных турецкого султана.

Видным глашатаем этой антинаучной и лживой «теории» является буржуазный националист Омер Баркан. В одной из своих работ, посвя-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 722.

щенной рассмотрению юридического положения крестьянства в Османской империи¹. О. Баркан изображает Турецкое государство как организатора «сотрудничества» различных классов «в общих (!) интересах ведения войны против неверных». «Крестьяне и другие производительные классы, — пишет он, — занятые делами, отличными от военного искусства, составляли естественные силы, сотрудничавшие (!) в государственном и военном деле с классом воинов»².

Оправдывая военный характер Турецкой империи, О. Баркан находит «естественной» уплату крестьянами натурального налога: оказывается, крестьяне таким путем лишь воздавали должное военным классам; они отдавали долю урожая «взамен тех далеко не легких (!) военных обязанностей, которые лежали на правительстве и военных классах». Последние должны были вести борьбу против организации «кяфиров», являющейся, по мнению О. Баркана, «примером ужасного и губительного господства над крестьянами и против их гораздо более отсталой (?!) системы»³. О. Баркан находит «идеальным» и то, что в Османской империи «для каждой социальной группы имелись определенные общественные функции, неизменные для потомства и навечно закрепленные за каждым сословием»⁴. Эта организация представляется ему образцовой. Особое умиление фальсификатора истории вызывает существовавшее якобы в Османском государстве «гармоническое разделение классов и обязанностей». Восхищенный прежде всего тем, что «сын райи остается райей»⁵ и его повинности по возделыванию земли закреплены навечно, О. Баркан называет эту организацию «системой плановой экономики (!) и этатистской политики»⁶.

Не трудно понять, чей социальный заказ выполняет реакционер О. Баркан, умышленно извращая общественно-исторический процесс развития Турецкого государства. Правящей буржуазно-помещичьей верхушке Турции крайне важно внушить народным массам мысль об извечности разделения общества на классы — правящий, господствующий класс и классы управляемые. Для нее важно также убедить народные массы в том, что обязанности правящих сословий не менее трудны и обременительны, нежели труд крестьян и рабочих. Закрепление навечно кабального состояния трудовых крестьянских масс — вот о каком идеале «сотрудничества» слащаво вздыхают «ученые» прислужники современных правителей Турции; вот что прославляют турецкие идеологи буржуазного национализма. Они противопоставляют оправдываемую ими, с помощью фальсификации истории и сылок на мнимо исторические «национальные» традиции, систему жестокого угнетения масс — законным требованиям, выдвигаемым трудящимися: коренного улучшения условий труда и жизни.

Известно, что Османское государство с первых же дней своего существования развивалось в условиях острых социальных противоречий и постоянной классовой борьбы. Мы уже видели выше, что организуемые турецкими султанами грабительские войны против соседних народов служили в первую очередь целям обогащения господствующей верхушки государства — сначала военной знати османских племен, а затем землевладельцев-феодалов. Земельные угодья и награбленные богатства попадали

¹ Ömer Lütfi Barkan. Osmanlı İmparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî statüsü. Ülkü, с. IX—X, NN 49, 50, 53, 56, 58, 59.

² Ibid., № 49, s. 34.

³ Ibid., № 49, s. 36.

⁴ Ibid., № 50, s. 101.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., s. 104.

в руки знати, что не могло не способствовать постоянному возрастанию различий в социально-экономическом положении между правящей верхушкой и народными массами. Укрепившийся с течением времени аппарат государственной власти в Турции, как орган насилия класса земельных собственников над классом земледельцев, с самого начала имел в качестве одной из своих важнейших функций оказание помощи господствующему классу в эксплуатации производительных классов. Достаточно хорошо известны законодательные акты турецких султанов, отвечавшие именно этим требованиям господствующих классов, а также задачам подавления сопротивления эксплуатируемых. «Правительства на Востоке, — отмечает Ф. Энгельс, — всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве)»¹.

Документы, опубликованные самим же О. Барканом, полностью опровергают его лживую концепцию. Эти документы содержат обильный исторический материал, ярко подтверждающий глубокий анализ сущности восточного деспотизма, данный Ф. Энгельсом. Финансовое ведомство в Османском государстве было с самого начала поставлено на службу делам ограбления народных масс. Финансовое ведомство султанского правительства рьяно заботилось прежде всего о том, чтобы не пострадали интересы государственной казны и интересы ленных владельцев-феодалов. Если же в документах и шла речь о «покровительстве» непосредственному производителю, то, конечно, за этой лицемерной официальной фразеологией скрывалось совсем иное: мнимое «покровительство» райе со стороны государственной власти определялось опять-таки интересами казны и землевладельцев: производитель не должен был быть лишен необходимых условий воспроизводства; в противном случае могла бы возникнуть угроза истощения этого основного источника доходов господствующих классов.

«Покровительство райе, — читаем мы в одном из документов, — является одним из важнейших дел Высокого государства. Следует лишь препятствовать тому, чтобы райя также присоединялась к военному сословию. Если сипахием сделается тот, кто не является потомственным сыном сипахи, то обязательно впоследствии нарушение порядка, так как из-за этого обнаружится недостаток райи. Следствием этого явится недовольство в доходах и пострадает общее состояние Высокого государства. Райя есть благодетель человечества. Богатство казны зависит от райи. Султан может существовать лишь благодаря казне, полученной от райи. Постоянная забота его состоит в том, чтобы райя не рассеивалась, а увеличивалась в числе. Оказывать милосердие и охранять ее от рук притеснителей — священный долг. Однако нельзя позволять, чтобы райя обогатилась. Нельзя позволять, чтобы одежда, лошадь райи и его домашняя обстановка были украшены так же, как у сипахи»².

Приведенный документ представляет собой рассуждение одного государственного сановника Турции XVI в. О. Баркан использует этот документ, чтобы подчеркнуть «заботу» правящих кругов о крестьянстве. Тем самым турецкий лжеисторик затушевывает основное содержание документа. В действительности «забота» о податном населении сводилась к тому, чтобы увеличивать доходы господствующих классов. Этот тезис подтверждается, в частности, анализом политико-экономических трактатов турецких авторов XVII в. — Айни Али, Кочибея, Кятиба Челеби,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 75.

² Ülkü, № 59, s. 422.

Хезарфеина: в этих трактатах настоятельно подчеркивается, что источником благополучия государственной казны и ленных владельцев является райя (крестьяне).

О. Баркан, опираясь на цитированный выше документ, пытается доказать, что райя не были париями, лишенными всякого достоинства. Но этот документ, прежде всего, показывает, что Турецкое государство, обслуживая интересы знати, всеми средствами попирало достоинство крестьянских масс и ограждало права и привилегии господ-сипахиев от возможных посягательств со стороны народа.

Феодалный гнет по отношению к крестьянам становился все более невыносимым. С середины XV в. система прикрепления крестьян к земле подтверждается юридическими актами султанов. Несмотря на это, задавленные налогами земледельцы бросают свои наделы и бегут, пытаясь таким путем спастись от феодального гнета, от той системы «гармонического сотрудничества классов», которую превозносят нынешние кемалистские историки. Именно об этой эксплуататорской политике Османского феодального государства и ни о чем другом свидетельствуют документы, приведенные О. Барканом.

О. Баркан заявляет, что кемалистские историки должны отказаться от того, чтобы, «следуя некоторым социалистическим учениям, искать повсюду классовую борьбу и классовую эксплуатацию, а обязаны проявлять настойчивость в том, чтобы понять названную систему в объективной форме»¹. Однако как раз факты объективной исторической действительности, от которых не уйти кемалистским «социологам», показывают, что, начиная с первых дней существования Османского государства, его история заполнена острой классовой борьбой. Для доказательства этого достаточно перечислить наиболее известные народные восстания, направленные против феодальной эксплуатации, против притеснений и насилий, чинимых народу господствующими классами во главе с султанским правительством: восстание шейха Бедрэددина (1413—1417), восстание Шайтан Кулу (1511), восстание Джелала (1519), серия восстаний так называемых «Джелали» на протяжении XVI и XVII столетий (Календера, Кара Языджи, Джанпулада и многих других)². В свете этих фактов сказки кемалистских историков о «классовом сотрудничестве» и «социальной гармонии» выдают их с головой как лжецов и беззастенчивых фальсификаторов истории.

Остановимся на последнем утверждении кемалистских историков, что упадок Османской империи объясняется главным образом нерадивостью султанов и государственных сановников, которые с конца XVI в. отошли от «традиционных национальных принципов» управления государством и разрушили, таким образом, его древние устои.

Ничего общего с исторической истиной это утверждение не имеет. Разложение и упадок Османского государства нельзя отнести за счет «небрежности» его правителей, как это стараются представить многие историки³. Не мало деятельных людей, начиная от султана Мурада IV и кончая великими визирами, принимало самые энергичные меры для того, чтобы остановить разложение государства. Однако их действия были обречены на неудачу не из-за их неспособности, а из-за того, что

¹ Ülkü, № 59, s. 36.

² См. А. С. Тверитинова. Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции Л., 1946. К сожалению, другие восстания еще не получили освещения в советской литературе.

³ Tarih, с. III, p. 115; Yusuf Akçura. Osmanlı devletinin dağılma devri.

проводимые ими мероприятия шли вразрез с общей тенденцией исторического развития Османской империи. С конца XVI в. все более усиливается феодальная децентрализация, происходит падение авторитета центральной власти, наблюдается свойственная этой стадии развития феодализма политическая раздробленность, безмерное усиление феодальной эксплуатации зависимого крестьянства и, как следствие всего этого, ослабление экономической базы государства — разорение крестьянского хозяйства, общий упадок военных сил страны. Все эти явления усугублялись активизирующейся борьбой не-турецких народов за свое освобождение от иноземного ига.

Логический, закономерный ход исторического развития делал такого рода последовательность событий неизбежной.

Кемалистские историки, с целью заведомой фальсификации средневековой истории Турции, поставили своей задачей заслонить классовую сущность турецкого государства и классовую борьбу в нем разглагольствованиями об особых «национальных» свойствах турок, которые обусловили будто бы и «особый» исторический путь развития Османского государства. Идеализируя турецкое средневековье, современные кемалистские социологи находят «радужные перспективы» для турецкого народа именно в том, чтобы вернуться к этим старым, «традиционным» турецким формам общественной жизни. Так, выступавший на III историческом конгрессе в 1948 г. социолог Сади Селен целиком посвятил свой доклад идеализации жизни средневекового турецкого феодального города — к а с а б а. Проповедуя лженаучную, человеконенавистническую мальтузианскую «теорию» избыточного роста населения и возникающего, якобы вследствие этого, недостатка земельной площади (как известно, мальтузианство в настоящее время упорно привлекает к себе апологетов империализма, пытающихся при помощи этого реакционного «учения» оправдать империалистическую политику истребительных войн и колониального разбоя), Сади Селен говорил о необходимости установления теперь более строгого — по средневековому образцу — контроля за сельскими районами. В этой связи ему кажется необходимым восстановить в былом значении провинциальные города — касаб а. Касаба в средние века являлись центром, где был сосредоточен надзор за трудом крепостного крестьянства, помещичьих деревень, и, таким образом, органы государственной власти могли якобы более действенно контролировать состояние земледельца¹. Проповедь возврата к «идеальному» прошлому в устах Сади Селена и ему подобных «социологов» имеет лишь единственный смысл: найти благовидное объяснение стремлению правящих классов Турции, давно уже превратившейся в колонию американского империализма, еще сильнее закабалить крестьянские массы, возложить на них еще более тяжкое бремя по содержанию современного правящего буржуазно-помещичьего блока, усилить гонку вооружения, осуществляемого правителями Турции по заказу монополистов США.

Милитаристская политика реакционного турецкого правительства также находит свое оправдание у кемалистских историков, когда они в своих писаниях начинают превозносить военную организацию османов, возводя и ее в специфически турецкое «национальное» качество. Военная сила, по их мнению, всегда составляла основу турецкого могущества. «Разрушение янычарского корпуса, — пишет некий Шинаси Алтундаг, — не только было причиной военных поражений, но и потрясло все административные

¹ Sadi Selen. XVI—XVII asırlarda Anadolunun köy ve kasaba hayatı. III Türk Tarih Kongresi. Ankara, s. 590—598.

и государственные основы Османской империи и явилось наиболее значительным фактором, способствовавшим уничтожению империи»¹. По его мнению, военное могущество было важно поддерживать всеми средствами, так как в прямой зависимости от этого находилось внутреннее благополучие государства и его способность осуществлять господство над другими народами. С этой точки зрения турецкая нация относится им к числу трех «великих наций», которые якобы оказались способными на протяжении истории «объединить в обширные империи многочисленные разрозненные народы, которыми они с легкостью управляли, создав исключительно стройные организмы. Эти нации: турки, римляне и англичане»² (?!!).

Итак, основная цель турецких буржуазных националистов-фальсификаторов истории сводится к тому, чтобы путем извращения и подтасовки исторических фактов дать истории средневековой Турции такое освещение, которое отвечает политическим задачам правящей клики современной Турции. Их стремление представить турок в виде «монолитной великой нации», будто бы никогда не знавшей внутренних противоречий и обладавшей способностью управлять многочисленными народами, полностью выдает откровенно-фашистскую сущность всех этих «теорий». Кемалистские «историки» путем прямого подлога стремятся ссылками на примеры в истории «найти» оправдание антинародной политике турецкой реакции. Однако они при этом умалчивают о фактах, которые показывают, что завоевательная политика господствующих классов всегда имела губительные последствия для самого турецкого народа, что эта политика, способствовавшая лишь обогащению феодальной знати, усиливала ее экономическую и политическую власть над собственным народом, что господствующие классы и их государство, во имя своекорыстных целей истощая и разоряя производительные силы страны, обрекли турецкий народ на вековое отставание в экономическом и культурном развитии. Подчеркивая в качестве специфической «национальной» черты турок наличие у них разделения общества на «сотрудничающие классы», фашистские писатели имеют в виду лишь одну цель — затемнить этой демагогической болтовней классовое сознание трудящихся масс и тем самым облегчить черное дело реакционных сил страны, готовящихся к осуществлению агрессивных реакционных планов под руководством империалистов США, перед которыми лакействуют нынешние турецкие правители и совместно с правителями других маршаллизованных стран, попавших в зависимость от американского империализма, послушно выполняют его веления. Расхваливая мнимовиллизаторскую роль турецких завоевателей в отношении покоренных народов, турецкие фашиствующие «теоретики» стремятся подготовить идеологическое обоснование агрессивным человеконенавистническим планам турецких буржуазных националистов.

Однако никакая социальная демагогия, никакие попытки фальсификации истории не помогут скрыть подлинной классовой природы современного Турецкого государства, не помогут реакционным кругам Турции уклониться от ответа за их антинародную и антинациональную политику.

¹ Şinasi Altundag. Osmanlı İmparatorluğunun vergi sistemi hakkında kısa bir araştırma. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi. Ankara, 1947, c. V, N 2, p. 196.

² Ibid., s. 188